

идеализации определенных ценностей. Он служит для того, чтобы создавать рамки в поведении актеров. Ценности задают определенные модели поведения, к которым актер приспосабливает свое поведение, воспринимая определенные формы взаимодействия как должное.

Гилровский В.А. Москва и москвичи: Собрание в четырех томах. М.: Правда, 1989. Т. 4.

Зайцева Н.В. Этнографические наблюдения в театре имени Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 162–166.

Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии: Науч. издание. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999.

Сто театральные анекдоты // Союз театральных деятелей РСФСР. 1990.

Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1(21). С. 139–161.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ СЛУЧАЯ ИНСПЕКТОРОВ СЛУЖБ В ЗАПОВЕДНИКЕ

Татьяна Сафонова

Данная статья посвящена профессии инспектора заповедника, а точнее вопросам социальной экологии профессиональной группы инспекторов [например: Shoemaker, Snizek, Bryant, 1977]. Путь экологических метафор в социальных науках можно сравнить с траекторией бумеранга. Впервые использованные в политической экономии понятия конкуренции и выживания наиболее приспособленного были внедрены в биологию Дарвином, а затем вновь вернулись в социальные науки в рамках экологического подхода Чикагской школы социологии. Особенно четко и стройно эта модель подошла для исследований профессий, некоторые

ее черты можно проследить и в работе Дюркгейма об общественном разделении труда. В западной традиции существует несколько социологических исследований, проводившихся по материалам о схожих профессиональных группах [Дюркгейм, 1991]. Любопытно, что внимание антропологов до сего времени было приковано, прежде всего, к местным жителям и группам аборигенов, населяющим природные парки и окрестности заповедников. Именно представители этих групп чаще всего и являются главными клиентами (в качестве браконьеров) охранников заповедника. В данном исследовании впервые все внимание антрополога посвящено группе инспекторов. К классическим исследованиям, например, можно отнести те, которые основывались на опросах федеральных и государственных лесных и парковых рейнджеров в США. Во всех этих случаях предметом исследования становилась не сама профессиональная группа, а различные общие проблемы профессиональной интеллигенции, мобильности и прочего. Идея о том, что все профессиональные группы взаимосвязаны и разнообразны одновременно, позволяет использовать далее такие экологические понятия, как ниша, лицензия, мандат, пищевая цепь и прочее. Наиболее последовательно и подробно экологическая модель в исследовании профессий была разработана Эвереттом Хьюзом [Hughes, 1958] в Чикаго. Также ее использовали в своих исследованиях этнометодологи, например, Дэвид Саднау [Sadnow, 1967] и Кристиан Хиф [Heath, Luff, Lehn *et al.*, 2002].

Отношения инспекторов со своими клиентами, а именно нарушителями территории заповедника, можно уподобить отношениям крупного хищника со своей добычей. И здесь мы сталкиваемся с несколькими общими чертами, характеризующими подобные отношения:

1. В рацион хищника входит довольно большое количество разнообразной добычи, при этом «цена» добычи зависит от ее калорийности, то есть размеров, и вкусовых качеств. Как бы ни было, различается по этим двум показателям, но клиентура инспектора также и характерности. Первое подразумевает размер ущерба, который наносит нарушитель природе, а соответственно и размер штрафа

конкурирующих видов, хищников, также занимающих схожую нишу в экологической системе. Стратегия контроля над территорией, к которой прибегают инспектора, также может быть кордонной (фортификационной¹) и рейдовой. Так как социальная экология более подвижна и динамична, нежели биотическая, подобные стратегии выбираются согласно изменениям внешних условий, а не наследуются.

...Раньше служба охраны и система охраны, она строилась немного по другому принципу. Вся территория заповедника была разделена как бы на маленькие кусочки, такие обходы, так называемые, и за каждым обходом был закреплен инспектор, в его обязанности входило: ежедневный обход этого участка, смотреть, есть нарушения или нет, если нарушения есть, то он должен был составить протокол, вот. И в этих обходах, как бы это кордонная служба была, инспектора жили на кордонах. И имели свой участок, за который они несли ответственность. Но, как оказалось, мало эффективная такая работа, поскольку нарушения были, люди жили, а нарушения были и было очень много, а меры никакие не приняты, и люди не могли переломить ситуацию, поэтому было принято решение, что мы пока отказываемся от этой системы обходов и создаем мобильно-оперативную группу [переходим на рейдовую систему. — С. Т.]

3. Хищники, как охотники, регулируют численность своей добычи, тем самым как бы охраняя сбалансированность отношений во всей экологической системе. Пример из биотической системы самого заповедника может проиллюстрировать данное утверждение:

Кабан, если у нас до 70 года его вообще не было, его в своё время привезли в республику, потому что это охотничий вид, чтобы он размножился, чтобы охоту на него можно было проводить. Ну, ему здесь понравилось, по вкусу пришло, он как-то здесь обжился и в итоге нормально стал размножаться, в заповеднике у нас здесь тоже всё перерыл и одной из причин того, что есть такое мнение, что гадюка пропала у нас, потому что кабан её сожрал, он перерывает всё, особенно

¹ В англоязычной литературе существует понятие «fortress conservation» (фортификационная консервация), которое в последнее время подвергнуто довольно активной критике [Brown, 1998].

и суммы возмещения, которые поступят в фонд заповедника после его поимки. Эту черту можно уподобить калорийности.

...Количество протоколов не всегда от качества службы зависит, потому что цена протокола разная. Однажды поймал нарушителя любителя на удочку, другое дело с сетями, третье дело — просто кто-то зашёл там отдохнуть, цветочек сорвал, или вообще не сорвал. Тоже нарушитель, все нарушители, цена-то очень-очень сильно отличается.

К вопросам вкуса инспектора относятся предпочтения в характерности задержания, которую можно сравнить со вкусом добычи. К наиболее деликатесной добыче относятся редкие, приносящие славу, добытые «в бою» протоколы. Это может быть поимка крупного начальника в заповеднике или же редкого браконьера. Вкус этой добычи можно охарактеризовать как чистый, без примесей сомнений и когнитивного диссонанса, добычи, полученной с помощью клыков и мускулов.

...Ну, если что касается меня, то мне больше нравится работа, пусть даже она и несколько более опасная, но это такая живая работа с реальными браконьерами, с живыми, это скажем те же охотничьи браконьеры, рыбные браконьеры. Нежели есть у нас такой вид нарушения, как сбор грибов, когда попадают иногда бабушки какие-нибудь, конечно. Ну, знаешь, что эта бабушка получает пенсию там рублей, ну 1 000 может быть, в лучшем случае. И по нашим законам — это только штраф 500 рублей, это половину пенсии у нее отнять. Это минимум который, а так можно до 1 000 накладывать. А если ещё и грибы и ущерб предьявить — десятикратный размер рыночной стоимости, то эта бабушка — она вообще останется на одних сухарях. Конечно, такие, это меньше нравится, но, тем не менее, это делать надо.

2. Хищник контролирует определенную территорию, для этого он метит ее и постоянно обходит. Эту территорию он может контролировать в одиночку и стай, во многом это зависит от численности и плотности добычи, от ее опасности, и от наличия

¹ Здесь и далее в данном формате приведены цитаты из неструктурированных интервью с инспекторами заповедника, записанные в феврале 2003 года. Всего было собрано около 36 часов интервью, сопровождавшихся когнитивным картированием, также в исследовании использовались архивные документы заповедника.

зимой, перекопает и кладки, не кладки, а места зимовок, муравейники тоже разоряет, зимой их расшвыряет, ложится и греется, прямо в муравейниках. Даже порой бывает, на кабана охотник тоже, где вот охотимся не здесь, а в охотугодах, кабана догонил и от него пахнет прямо муравьиной кислотой, это он в муравейнике полежал и запах от него специфический. Ну, если он всё подряд роет в заповеднике, естественно, все наземногнездящиеся виды птиц, соответственно, тоже попадают под его рыло.

Так, излишне размножившиеся травоядные могут подорвать свою собственную кормовую базу. Слишком большое количество браконьеров и нарушителей границ наносит довольно ощутимый вред дикой природе, что ведет в итоге к разрушению биосферозов и оскудению. Отсутствие трофеев в итоге делает территорию мало привлекательной для нарушителей. Постоянная и бдительная охрана же, наоборот, гарантирует сохранение дикого состояния природы, и привлекает нарушителей.

Конечно, городские — они лучше относятся к заповеднику, потому что заповедник для них — это что-то там такое на природе, куда можно заехать, или по телевизору посмотреть, какой он красивый. Куда уж красивей, чем есть на самом деле. Немножко по-другому. А здесь — если есть ягоды, значит надо их собирать, есть грибы, значит. Это, если бы у нас не было ягод и грибов — и проблем бы не было. У местного населения в голове, если вот в деревне Б***, какой-нибудь там или К***, где по близости только враги, заросшие берёзой и кустарником, где подберёзовики в посадках можно собирать, они и будут, так это и знают, они что такое клюква не знают. А наши знают клюкву, хотя её запрещено собирать даже вне заповедника, она у нас — красный вид в республике ***. Если нет, скажем, здесь моря — значит нет красной рыбы, значит красная рыба в голову не лезет, потому что её нет в природе, для них она не существует, а грибы есть, значит надо лезть за грибами в заповедник.

Все вышеперечисленные параллели между миром животного и человека сталкиваются с одним фундаментальным различием, которое во главу угла ставит социальная экология. Этим важным обстоятельством была социальная основа отношений между индивидами. Социальное взаимодействие включает четыре взаимозависимых процесса: соревнование, конфликт, приспособление,

ассимиляция [Park, Burgess, 1921. P. 785]. Сообщество (коммунити) и социальный порядок в рамках сообщества есть результат соревнования. Социальный контроль и обоюдная субординация индивидуальных членов перед сообществом имеют истоки в конфликте, который принял организованную форму в процессе приспособления, был консолидирован и принят в ассимиляции. Эти процессы постоянно воспроизводятся и воспроизводят социум.

Когда мы сравниваем отношения животных и людей и проводим параллели в их взаимодействиях, мы должны четко представлять себе, что существует два разных типа соревнования: борьба за выживание в естественной среде и борьба за средства жизни в социальной сфере. Отсюда берут истоки естественный и моральный порядок организации. Подобные размышления повлияли социальным экологам вновь утвердить принцип по сути экономического соревнования, но на уровне менее абстрактном, нежели это было сделано в социологии Маркса. Так что экология скорее была социальной метафорой, нежели приложением биологии. Социальная экология — это исследование пространственных и временных отношений человеческих существ, под влиянием избранных, распределенных и требующих приспособления воздействий окружающей среды [McKenzie, 1924].

Следуя этой логике, пространственные отношения индивидов — результат соревнования и селекции. Так, экология города и паттерны поселения, экологическая сегрегация выступают с позиции социальной экологии наглядным примером подобной селекции. В нашем исследовании мы также имеем дело с пространственными отношениями, выраженными в существовании организации заповедника. Целью исследования является попытка рассмотреть, какие именно конфликты, соревнования и процессы селекции стоят за сложившимися отношениями инспекторов заповедника и нарушителей, какое влияние на эти отношения оказывают изменения внешней среды. Здесь мы так или иначе подробней разберем структуру и динамику профессиональной популяции.

В фокусе данного исследования находится феномен интерактивно осуществляемого контроля над территорией, который

поймаешь, смотришь, второй раз, а, милоч, я на базар их несущу продавать. Такие бабушки нам тоже не нужны, которые потом рассказывают обо всем, я её простил, а кричат о том, что грибочки или ягодки она в заповеднике насобирала. Потом люди начинают думать, что в заповеднике можно собирать, прихорашивать и бабушек тоже наказывать. Бабушки – они ведь разговорчивые, они и о плохом, и о хорошем, всё расскажут. Как бы они тоже наши помощники в этом плане. Накажем бабульку, а она потом тебя пусть и проклянет, но расскажет всем, что её там наказали. Как бы тоже дополнительная информация о том, что в заповеднике – нельзя.

В повседневности мы постоянно сталкиваемся с подобными территориями, поэтому практически каждому знаком опыт чужака, и очень многим знаком опыт хозяина. Общественный транспорт является, пожалуй, самым обыденным примером, где пассажиры исполняют роль чужаков, а контролеры – роль хозяев. Рэкет может являться иной формой того же феномена. В чистом виде мы можем наблюдать эту ситуацию в быту инспекторов заповедников, которые осуществляют профессиональный контроль над территорией заповедника, которая, в свою очередь, никогда не может быть четко огорожена.

Полевое исследование проходило в одном из российских заповедников. Подробнее случай будет описан по ходу изложения. Данный заповедник, как и все прочие заповедники России, отреагировал на процессы социальной трансформации¹. В частности это выразилось в смене стратегии контроля и выборе источников власти, на которые ссылаются инспектора при исполнении роли хозяина места. Если раньше им достаточно было представлять государство, то теперь его авторитета недостаточно, и в работе инспекторов стала играть заметную роль ссылка на возможное применение физического насилия и апелляция к альтернативным моральным порядкам.

¹ Также необходимо сразу отметить, что благодаря довольно успешной кадровой политике, а также региональной финансовой поддержке, заповедник смог преодолеть трудности переходного периода и даже завоевать себе репутацию одного из лучших в сфере контроля над территорией. Отчасти поэтому исследуемый случай можно воспринимать как не вполне типичный.

автор обозначила как *genius loci* (лат. «дух места»¹). За этим понятием стоит определенная фигурация, в терминах Норберта Элиаса [Элиас, 2001], состоящая из хозяина места (духа) и чужаков, забредших на подконтрольную территорию. Граница территории [о социальном конструировании границ см.: Simmel, 1908] в данном случае никогда не имеет материального воплощения в виде заборов или иных форм огораживания, но всегда воображаема и существует только благодаря постоянному контролю, который осуществляет хозяин. Хозяин обладает полными правами на этой территории, в частности, он может требовать с чужака выплату штрафа за пересечение этой самой иллюзорной границы. Чужак в свою очередь практически всегда осведомлен о риске, сопряженном со встречей с хозяином на его территории, и поэтому либо уклоняется как может от этих встреч, либо не нарушает территории вообще. Эта осведомленность и поддерживает существование воображаемых границ территории². Поскольку хозяин заинтересован в нарушении его территории, так как это создает прецедент для выплат, он так или иначе старается создать и поддерживать ценность этой территории, чтобы как-то залечить чужака.

Хозяину необходимо постоянно работать и не делать, по возможности, исключений для своих нарушителей, так как любое послабление может нанести серьезный ущерб. Малейшее подозрение в том, что хозяин ослабил контроль над территорией, и чужаки устремятся в запретные места такими потоками, что остановить их будет просто невозможно. Слова инспектора иллюстрируют данный тезис:

Бабушки тоже хитрые бывают [смеется]: грибочки наберут-наберут, а потом с ними на базар, такие бизнесменки попадаются. Один раз

¹ Этот термин в английской транскрипции (*ghost of place*) был предложен Беллом для обозначения субъективно переживаемого опыта какого-либо места. В данном исследовании этот термин используется для описания определенного интерактивного явления, в которое также входит специфическое переживание места [Bell, 1997].

² Исследование поведенческих компетенций и повседневного зонирования представлено в статье когнитивного антрополога Чарльза Фрейка [Frake, 1975].

Борьба за позицию хозяина территории

С 1996 года, когда вышел закон об административной ответственности, инспектора заповедников получили право взимать штрафы за нарушения самостоятельно. При этом они могли делать это прямо на месте поимки. В годы, когда центральное государственное финансирование было довольно скудным и непостоянным, подобный доход был весьма серьезным подспорьем для инспекторов и самого заповедника.

...Раньше какие-то дополнительные деньги, те штрафы, вот которые мы со штрафов и исков, возмещение материального ущерба, например, администрации, до сорока процентов этой суммы мы могли получать на поощрение сотрудников и лиц, которые помогли выявить данное нарушение. Могли эти средства направлять на дополнительную материальную. А сейчас у нас как бы это не практикуется...

В 2001 году был принят новый закон, по которому инспектор заповедника получил право облагать штрафом и обязательством уплатить возмещение ущерба заповеднику, но получить эти деньги заповедник мог только через суд. Поэтому сейчас особое внимание уделяется правильному соблюдению всех бюрократических процедур задержания. Так как каждая незначительная ошибка в заполнении протокола может обесценить его в суде. Подобные бюрократические меры может и выглядят несколько нелепо посреди леса, например, шариковая ручка, которой должен быть заполнен протокол, не всегда пишет на тридцатиградусном морозе, но они необходимы. В частности, они указывают на то обстоятельство, что инспектор является представителем государства и, соответственно, власть инспектора в лесу черпается из власти государства над своими гражданами. Точно к таким же отсылкам к государственной природе власти инспектора относятся удостоверения, форменная одежда и прочие знаки отличия.

Чтобы описать всю ситуацию, воспользуемся вновь экологической метафорой Парка [Park, 1952] и Хьюза. Экологическую систему можно уподобить лестнице, на ступенях которой расположены виды, или группы людей, в нашем случае. Основопологающим элементом этой системы являются отношения хищник

жертва, которые конституируют иерархическую структуру. Быть жертвой означает находиться на ступеньке ниже хищника. А быть хищником – стоять на ступеньке выше жертвы и охотиться на нее. Позиция в этой иерархии в природе определяется наличием клыков и когтей, в социуме преимуществом создается различные капиталы и власть. В социуме подчинение жертвы хищнику становится аналогом питания в природе. В отношениях с разрушителями и чужаками инспектор занимает позицию хозяина территории и хищника. Подобно хищнику, он контролирует территорию заповедника и охотится на нарушителей заповедного режима. Инспектор является представителем государственной власти, так как его статус прописан в законе, поэтому в такой ситуации его клыки – это корочки удостоверения, а его когти – шариковая ручка, заполняющая официальный бланк протокола. Привилегированное положение инспектора сильно ослабевает в ситуации, когда ослабевает авторитет государства. Это произошло в середине девяностых годов, когда инспекторам пришлось полностью реформировать прежнюю систему контроля над территорией заповедника, так как старые отсылки к власти государства в тот период больше не срабатывали. Нужно отметить, что для представителя государства некоторые альтернативные источники власти и укрепления своей позиции хозяина территории недоступны.

...В стране нашей, не знаю, хаос какой-то начался, как раз перестройка, расцвет криминала, и людей, ни за что ни про что просто стали убивать, и просто стало опасно нашим инспекторам, которые жили на наших этих кордонах и имели обходы. Ну, просто они были не в состоянии, их просто посылали куда подальше, если он предьявлял претензии кому-то, или уходил отсюда, мы тебя тут убьем и сожжем твой дом, останешься ты у разбитого корыта. Вот, естественно, они не могли ничего сделать и не предпринимали никаких мер к разрушителям...

В частности, инспекторам пришлось отказаться от единого патрулирования территории, теперь в лес они ходили группами, минимум из трех человек. Отчасти эта мера создавала отсылку к физической силе, своеобразному альтернативному

источнику власти в период ослабления государственных механизмов. Полная апелляция к возможному насилью все-таки была не выгодна инспекторам, так как штат сотрудников был ограничен и отказываться от государственного статуса было опасно. А именно это происходит при полном использовании ресурса физической силы.

... Несмотря на то, что работа инспектора — она достаточно жёсткая, всё вообще допускает и предусматривает порой воздействие физической силы на нарушителя, даже допустимо для нас применение оружия, мне кажется, прежде всего, инспектор должен работать головой, а не махать пудовыми кулаками и бряцать оружием. Поэтому, если инспектор, наверное, вынудил нарушителя или нарушитель вынудил, скорее всего, инспектора к применению физической силы, вот наверное, это ошибка инспектора, будет считаться. Поскольку должен найти аргументы, чтобы словами убедить человека в том, что он не прав, в том что лучше... не делать этого. Оформить надлежащим образом всё. В то же время проявить твёрдость, жёсткость, должен инспектор настоять на своём, довести дело до конца. Доставить даже, может быть, в отделение милиции нарушителя, если при нём нет документов, как бы он не отпирался, но если он сорвался на физическую силу, на применение оружия, конечно, не самый лучший способ решения...

Необходимость выработки альтернативных государственным, но постоянных источников собственной власти была тем более очевидна, чем непредсказуемее было поведение нарушителей. В отсутствии общей схемы интерпретаций властных позиций участников и последствий взаимодействия для сторон и нарушителя, и инспектора теряли основу для типичного исполнения сценариев задержания, застрахованных от нелепых случайностей.

... Нет, ну, как нарушения они, тут, трудно сказать, можно порой из ничего иметь такую ситуацию, из которой трудно выйти. А есть нарушения заведомо опасные, которые опасны для инспектора. Скажем, отлов браконьера в ночное время. Мы ведь едем ночью, ну, чего у него на уме, если это браконьер с оружием, ну, как его задерживать. Он возьмёт тебя из ружья шмальнет в лобовое стекло, убьёт и уедет, и ищи его свищи. Кто его там будет искать — не найдет никто. Конечно, это опасная работа. А порой бывает тут и проще такую работу выполнять, а бывает... У меня в практике было такое, казалось бы, задержали нарушителя, была корзина у него, а в корзине несколько грибов. Ему

стали говорить, дорогой, так нельзя, ты, нарушаешь вы, а он из-за этих грибов схватил нож, которым грибы режут, и буквально бросился на нас с ножом. Дурачок что ли, из-за такой ерунды, из-за этих трёх грибов он практически готов был убить человека. Трудно сказать, чокнутый какой-то или психически неуравновешенный человек. Где с таким человеком встретишься, это...

Выходом из положения стало обоснование власти с помощью апелляции к моральным порядкам и справедливости. Было необходимо сделать нарушителей более дружелюбными. Поскольку инспектора имели дело с двумя различными группами нарушителей — местными жителями и городскими туристами — им пришлось разработать две различные линии легитимации своей деятельности. В основе этих стратегий лежат манипуляции с пищевыми цепочками. Проблема состояла в том, что с самого начала и местные жители, и городские туристы воспринимали инспекторов с позиции жертв, исключительно как отрицательных персонажей. Чтобы перейти к новому положительному образу, инспекторам было необходимо перейти от пищевой цепочки, состоящей из 2-х элементов к 3-элементарной цепочке. Для местных жителей они создали средний элемент, сославшись на тот вред, который городские туристы приносят окружающей среде и природе, в которой живут местные. Таким образом, они трансформировали пищевую цепочку:

с: инспектора (плохие) → местные жители (хорошие)
на: инспектора (хорошие) → городские туристы (плохие) →
местные жители (хорошие).

Моральным утверждением было: враги наших врагов — наши друзья. Совершить подобную подмену было не так сложно, так как уровень жизни местных жителей и городских был настолько различен, что симпатий к городским со стороны местных было довольно мало. Для городских туристов нужно было предложить что-то отличное, так как их отношение к местным было довольно нейтральным. Поэтому в этом случае инспектора использовали научный дискурс и экологические аргументы. Манипуляции состояли в том, чтобы заменить пищевую цепочку:

